

Огурцов Александр. Отчуждение, рефлексия и практика. — М.: Голос, 2024. — 428 с.

В этом году исполнилось 10 лет со дня смерти выдающегося отечественного философа, культуролога, методолога, философа науки Александра Павловича Огурцова (14 сентября 1936 — 8 мая 2014). К этой дате была опубликована его первая диссертация (на соискание степени кандидата философских наук), созданная на основании опубликованных в т. 4 пятитомной Философской энциклопедии под ред. Ф.В. Константинова (1960–1970) статей «Отчуждение», «Рефлексия», «Практика». Книга — итог первого этапа деятельного участия А.П. Огурцова на философском поприще. Книга состоит из 1) предисловия С.С. Неретиной «Десять лет спустя. Отчуждение, рефлексия, практика», 2) введения, 3) трех глав («Практика отчуждения и ее рефлексия», посвященная рождению «странного» мира и его теоретических концепций, самому этому миру отчуждения и его марксистского анализа, «Метаморфозы рефлексии» с обсуждением судеб гносеологии в XVIII–XX вв., «Пути и судьбы философии практики» с обсуждением дифференций праксиса и поэзиса и мифологией обыденной жизни), 4) заключения, 5) библиографии и 6) именного указателя.

Проблемы, представленные и проанализированные А.П. Огурцовым, оказались актуальными и в наши дни, о чем прежде всего свидетельствует возросший интерес к марксизму и истории марксизма, спровоцированный, с одной стороны, интенсивно-подчеркнутым усилением роли экономики, с другой — очевидной гибелью многообещавшего социалистического мира, с третьей — кризисом всей современной философии, вызванным усиливающейся нестабильностью мира, вновь сделавшего актуальными и проблемы отчуждения, и проблемы свободы, возникающей как момент отчуждения. В книге проводится анализ понятий, которыми, казалось, наполнялся тот многообещавший мир, смысл которого — в постоянной рефлексии, в практическом применении ожидаемого и в возможности критического анализа мгновенно совершающихся преобразований, причин их возникновения и преодоления. Не исключено, что последнее может привести к изменению самой практики общения, связанной с языковой трансформацией, которая потребует заново философски переосмыслить роль языка. В диссертации Огурцов одним из первых обратил внимание на роль языка у Гегеля и Маркса, эта тема была подхвачена впоследствии и критиками, и сторонниками марксизма.

Работа адресована философам и всем заинтересованным в критическом анализе мировых проблем.

Сила, насилие, культурная травма. Понятия и феномены культурной травмы. — М.: Голос, 2024. — 278 с.

Сборник составлен на основании материалов Круглого стола, посвященного памяти А.П. Огурцова. Как сказано в редакционном предисловии, его участники «решили проанализировать некоторые известные понятия, которые сейчас часто употребляются в политическом, социальном, публицистическом дискурсах, но смысл которых оказался

преображенным, употребляясь к тому же в неясном контексте» (с. 6). Сборник принадлежит к тому типу исследований, которые получили именование «trauma studies» и которые сейчас распространены во всем мире.

Своеобразным эпиграфом к сборнику является последняя статья Огурцова «Поражение философии» (Вох. 2013. № 16), где он выявил болезненные способы, нанесшие увечье философии. Среди них — зараженность философии богословием, исчезновение из философии актуальных категорий и универсалий, банализация терминов, подходов и методов философии. Имея это в виду, авторы сборника «исследовали философские и культурные аспекты травмы» (с. 11), показав способы и причины ее появления, причины ее замалчивания и создание механизмов защиты.

В книге 10 статей, часть которых представляет собой внутреннюю полемику друг с другом. Это прежде всего статьи, в которых затронута тема травмы, развернутая культурсоциологом Дж. Александером, а именно статьи С.С. Неретиной «Культура как родовая ошибка. Естественное право» и П.Д. Тищенко «Травма и избыточность: к проблеме начал коллективной/индивидуальной идентичности», статьи А.И. Неретина «Джампаоло Панса и его вклад в коллективную память итальянцев» и Ф.Н. Блюхера «„Культурная“ травма». Н.Н. Мурзин в работе «Сомнение в травме» тоже коснулся теории Александера и определил травму как «прививку жестокостью жизни или “конструктивную обиду”». Он ставит вопрос о свойстве памяти: «Если травма — это память, то может быть, память — это травма?» (с. 149). И приводит пример М. Пруста, для которого ад — «это ад памяти, мучающий тем, что все, что он как бы дает, есть лишь знак собственного ускользания, на всем стоит печать “ушло без возврата”... это травма без исцеления, ставшая единственным благом мира и заставляющая нас склоняться перед ней во прахе» (с. 154). Хорошо бы при этом, правда, понять, что такое благо, которое «ничто».

Статья В.М. Розина «Понятие и феномен травмы: биологический, психологический и социокультурный аспект» (хорошо бы при этом сравнить отличие культурсоциологии Александера от социокультурного аспекта) существенно конкретизируется работой В.П. Макаренко «Проблема воспроизводства сталинизма: от ВПК до рептильных реакций».

Статьи К.А. Томила «Эволюция физики: от действия сил к силе действия» и А.А. Парамонова «К вопросу о прочтении философии-физики Нильса Бора в агентном реализме Карен Барад» существенно и дополняют друг друга (мысли физиков по образованию!), и обнаруживают внимание гуманитаристики к современному естествознанию. Для гуманитариев при этом характерно, как подчеркивает Парамонов, «активное использование терминологического и идейного арсенала естественных наук и даже прямое заимствование аргументации, что претендует порой на определенное размывание дисциплинарных границ и утверждение своего рода трансдисциплинарности исследовательских стратегий» (с. 228). Не такому ли роду трансдисциплинарности соответствует неожиданная статья У.С. Струговциковой «Есть ли права у растений?»?

Шелдрейк Мерлин. Запутанная жизнь / перев. с англ О. Ольховской. — М.: Изд-во АСТ, 2022. — 416 с. с илл.

Это чрезвычайно занимательная книга с подзаголовком «Как грибы меняют мир, наше сознание и наше будущее», написанная молодым биологом и относящаяся, прежде всего, к личному занимательному исследованию, а в широком смысле — скорее к осмыслению новой «геоисторической ситуации», к «радикально-материалистическому» мировоззрению, к которому относятся Б. Латур, Д. Харауэй и др.

В 8 главах автор описывает движение сознания исследователя-биолога и рисует запутанный маршрут (сеть) исследуемых живых систем. Как бы выполняя заповедь Латура, он описывает «разношерстную» группу организмов, научивших, по его словам, всему, что он знает, ибо эта группа поддерживает почти все остальное живое, не исключая человека, его чувств, мыслей и поведения. «Куча опавших листьев», в которых разбирался неведомый автору философ В.В. Розанов, была для него «миром, который нужно было исследовать» вместе с запахом, почвой (насколько она глубока и что ее поддерживает?), земляными червями, перемешивающими и растворяющими краски растений так, что в то время, как эти «деструкторы разлагают жизненные объекты», «композиторы слагают музыку» в честь этой «разложенной материи» (с. 277). Создаваемый растениями и мелкими живыми организмами метаболизм, как он питает, благотворно влиял и на весь человеческий мир. «Пиво, пенициллин, псилоцибин... биотопливо» оказывались способом предотвращения многих кризисных ситуаций (с. 272). Яблоки с «яблони Ньютона», падая, создавали беспорядок, что стало причиной вины человечества, но превращенные в полезные продукты (например в сок), становились способом, ведущим к спасению. Древесные плоды, таким образом, можно рассматривать как еду не только физическую, но и духовную. Автор оказался втянутым в историю мира, правда, как он иронически пишет о себе, «она заставила меня почувствовать себя бессмысленным и придавленным ею», что заставило вспомнить о «тяготении» (с. 274).

Книга предназначена всем, кто интересуется не просто наукой как таковой, но занимательной наукой, рассказывающей то, как она возникает и делается.